

НЕЙТРАЛИТЕТ ФИНЛЯНДИИ КАК ЧАСТЬ ЕЁ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.Ю. Вежливцева

Министерство иностранных дел Российской Федерации

В контексте современных дискуссий о востребованности политики нейтралитета особый интерес представляет Финляндия. Распространено мнение, что её нейтралитет возник в годы холодной войны под воздействием прагматичной оценки возможностей для небольшой страны в контексте биполярной структуры международных отношений того времени. Военное неприсоединение Финляндии рассценивается как вынужденное. В связи с этим после окончания холодной войны возникло ожидание неизбежного отказа от политики военного нейтралитета, а также уверенность в том, что принадлежность к западному сообществу является единственным возможным ориентиром. Однако курс Финляндии на военное неприсоединение и самостоятельную оборонную идентичность остается неизменным на протяжении уже практически трех десятилетий. Государственное руководство Финляндии проводит его при полной поддержке большинства населения страны. Сохранение нейтралитета несмотря на радикальное изменение системы международных отношений свидетельствует, что причины не могут быть объяснены как рациональный политический выбор, а носят более сложный характер. Ряд финских исследователей рассматривает нейтралитет как часть национальной идентичности финнов. Используя данный подход, автор статьи анализирует формирование политики нейтралитета как части национальной идентичности в контексте исторического развития Финляндии на стыке Запада и Востока. Определяющее влияние на формирование финляндского государства и его внешнеполитический курс оказали Швеция и Россия. Пребывание в составе Швеции сформировало общественно-политическое устройство Финляндии и привило его жителям скандинавскую идентичность. России в свою очередь сыграла ключевую роль в становлении финского государства и предопределила восточный вектор его дальнейшей внешней политики. Благодаря этому сформировались предпосылки прагматичного, взаимовыгодного и добрососедского сосуществования российского и финского народов, взаимодополняемости восточного и западного векторов. В результате Финляндия может претендовать на роль «моста» между Востоком и Западом, что даёт ей дополнительные преимущества в современной ситуации возрождения острой геополитической конкуренции между великими державами.

УДК: 327.57

Поступила в редакцию 07.11.2018 г.

Принята к публикации 19.03.2019 г.

Автор статьи делает вывод о том, что сочетание западного и российского влияния сформировало предпосылки политики нейтралитета, которая, в свою очередь, заложила основу стабильной ориентации на военное неприсоединение Финляндии. Вывод о том, что нейтралитет как часть финской идентичности имеет глубокие исторические корни, позволяет оспорить утверждение о его ненужности в современных условиях.

Ключевые слова: Внешнеполитический курс, добрососедские отношения, взаимовыгодное и прагматичное взаимодействие, северное сотрудничество, политика военного неприсоединения, теория «моста».

В настоящее время в научной литературе ведутся дискуссии о том, насколько институт нейтралитета утратил актуальность в современных международных отношениях [7, 14]. В контексте изучения данной проблемы кейс Финляндии представляет особый интерес, поскольку на протяжении длительного времени страна придерживалась нейтралитета. Военный нейтралитет оставался основой внешней политики и политики безопасности Финляндии в течение долгих лет, не претерпев принципиальных изменений в период кардинальной трансформации системы международных отношений после окончания холодной войны, распада СССР и вступления Финляндии в ЕС.

Существует точка зрения, что в 1990-е гг. финляндская внешняя политика продолжала носить консервативный характер, поскольку изменения в мире происходили быстрее, чем Финляндия была способна на них реагировать, а влияние советской эпохи продолжало сказываться и после её исчезновения [22]. Вступление в ЕС в 1995 г. расценивается рядом исследователей как новая эра в политической истории Финляндии, которая обуславливала в том числе и неизбежный отказ от нейтралитета, проводимого в годы холодной войны в качестве основной линии в политике безопасности [9].

Тем не менее, этого не произошло. Внешнеполитическая линия осталась по своей сути неизменной. Новый курс финской политики безопасности заключался в активизации международного сотрудничества с упором на укрепление европейской безопасности при сохранении военного нейтралитета и самостоятельной оборонной политики.

Устойчивость политики нейтралитета требует осмысления. Среди финских авторов распространено мнение, что причины заключаются в прагматичной оценке мироустройства после 1945 г. [10, 11, 21]: стремление к нейтралитету носило вынужденный характер в условиях биполярного мира.

Ю. Аунеслуома и Й. Райнио-Ниemi полагают, что причины политики неприсоединения гораздо сложнее, чем рациональный политический выбор малого государства в геополитических реалиях того времени [8]. Они рассматривают финский нейтралитет как часть национальной идентичности, формирование которой произошло именно в годы холодной войны.

Однако анализ финляндской внешней политики и политики безопасности, в том числе предпосылок её становления, демонстрирует, что нейтралитет как часть финской идентичности имеет более глубокие исторические корни и начал складываться одновременно с формированием финляндской государственности. Такой подход позволяет выделить некоторые закономерности в общественно-политическом развитии и внешнеполитическом курсе Финляндии. Выявление этих закономерностей позволяет оспорить и аргументы, выдвигаемые рядом финских исследователей, считающих, что западная идентичность является единственно возможной базой для формирования внешней политики и политики безопасности, что требует отказа от всех иных связей, сложившихся у финнов [8].

Методологическую основу статьи составляет структурно-системный подход, позволяющий оценить закономерности функционирования международных отношений, а также историко-описательный метод.

Влияние Швеции на внешнеполитические представления финнов

Влияние Швеции можно рассматривать в двух смыслах: в узком – как скандинавское влияние, сформировавшее североевропейскую идентичность Финляндии, в более широком – как влияние, благодаря которому Финляндия вошла в западную цивилизацию. Процесс этот начался в XII-XIV вв. и, по мнению финского историка Х. Мейландера, стал «первым переломным моментом в финской истории» [2, с. 57]. Эти две идентичности – североевропейская и западная – сохранились и по настоящее время. В экспертной среде современной Финляндии распространена точка зрения, что пребывание в составе Швеции оказало положительное влияние на формирование государственности и позволило создать отдельную финскую политическую общность [4].

Территория, на которой проживали финны и саамы¹ в XII-XIV вв. постепенно завоевывалась шведами. Шведские короли стали обращать местное население в римско-католическую веру. До установления в Финляндии шведского господства страна не представляла собой единого политического или административного образования. Шведам удалось захватить сначала южную часть Финляндии (Тавастланд), а затем и Западную Карелию. В 1216 г. Папа Римский передал Финляндию во владение шведскому королю и архиепископу Упсалы [1].

Период ощутимого шведского влияния в Финляндии начался после прихода к власти шведского короля Густава Васы. Необходимо отметить, что религиозный фактор сыграл важную роль с точки зрения формирования единой идентичности. Проведённая шведским королём в 1527 г. реформация церкви превратила всех католиков страны, в состав которой входила и Финляндия,

¹ Название Финляндия появилось только в XV в. [2]

в лютеран. Карелы, придерживавшиеся греко-католической веры, в середине XVII в. большей частью переместились в Россию [4].

Король Густав Васа отдал Финляндию в управление своему старшему сыну в качестве герцогства. Тем не менее, Финляндия не стала автономной единицей: герцогство, как и раньше, оставалось неотъемлемой частью Швеции. Финны получили представительство в риксдаге, служили под шведским началом в административных и военных органах по всей Швеции, призывались в армию. Финляндия не имела никаких отличных от шведских национальных законов или учреждений, несмотря на полученный в 1581 г. титул Великого Княжества, в правовом и административном отношении оставаясь рядовой шведской провинцией. Финны не имели прямых торговых отношений с другими странами, запрет был наложен на торговлю и с Россией [1]. Развитие финской национальной культуры сдерживалось или подавлялось, финский язык считался языком простолюдинов в отличие от шведского – языка власти, науки и культуры. Неотъемлемой частью внутривнутриполитической жизни Финляндии были и этнические шведы, которые имели свои политические формирования, учебные заведения, культурные учреждения и общественные организации, обеспечивали тесные связи со Швецией.

Все эти факторы способствовали формированию в Финляндии общественно-политического уклада, близкого к скандинавскому. Административное, судебное и партийное устройства формировались по шведскому образцу и мало изменились за время пребывания Финляндии в составе России. Министр иностранных дел Финляндии Т. Сойни пишет: «Для Финляндии историческая связь со Швецией существенным образом повлияла на то, как устроена законодательная и административная система. Это, в свою очередь, стало якорем для северо-европейских вех развития Финляндии и важной отправной точкой нашей внешнеполитической деятельности»².

В качестве примера шведского влияния на современную политическую систему можно привести трехуровневое административно-территориальное деление Финляндии. До 2010 г. страна была разделена на коммуны, уезды и губернии. В настоящее время вместо губерний функционируют региональные центры с развитой формой местного самоуправления. Конституция Финляндии, действовавшая с 1919 по 2000 гг., многое заимствовала из шведской, в частности, особенности регулирования взаимоотношений главы государства и парламента, формирования парламентского контроля, институт омбудсмана и т.д.

Шведское влияние сказывалось на формировании общественно-политического устройства и в дальнейшем, когда Финляндия стала уже самостоятельным государством. Это отчётливо проявилось в развитии общественных организаций, клубов и ассоциаций, профсоюзного движения на рынке труда, формиро-

² Sveriges sak är vår // DN Debatt. January 27, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dn.se/debatt/sveriges-sak-ar-var/> (дата обращения: 25.08.2018).

вании партийной системы с высоким удельным весом социал-демократических партий.

Как отмечает шведский исследователь Х. Линдквист, Финляндия под влиянием Швеции³ стала западной страной, у которой по западному образцу выстроено законодательство, религиозные институты и управление. Таким образом, идентичность финнов, как осознание принадлежности к единой социально-экономической, религиозной и общественно-политической группе, близка к скандинавской. Однако, поскольку в правовом и административном отношении Финляндия была рядовой шведской провинцией [1] – не имела ни национальных законов, ни национальных учреждений, не имела прямых торговых отношений с другими странами, – в ней не могли возникнуть признаки государственности, отличные от Швеции. Они возникли и утвердились позже, когда Финляндии оказалась в составе России.

Говоря об истории Финляндии, историки и политики часто используют выражения «период шведской власти» и «период российской власти». Однако выражение «шведская власть» некорректно, поскольку финские территории являлись неотъемлемой частью Швеции, а по Фридрихсгамскому мирному договору 1809 г. Швеция передавала России именно пять своих восточных губерний – эти губернии входили в состав Великого герцогства Финляндия [16].

По оценкам ведущих современных финских историков, перспектива обретения финнами государственности в составе Швеции отсутствовала. Как пишет О. Юссила, в составе такого гомогенного государства, как Швеция, движение Финляндии к обретению государственного суверенитета было исключено [4]. Аналогичного мнения придерживается профессор Хельсинкского университета Х. Мейнандер: «Финляндия не стала бы независимым государством, а финский язык остался бы языком меньшинства, если бы Финляндия осталась частью шведского государства две сотни лет тому назад»⁴. Интересную параллель провёл бывший депутат финского парламента от социал-демократической партии Э. Хейнялуома: «Не будь периода нахождения в составе России в XIX в., не оказались бы мы сейчас в такой же ситуации по отношению к Швеции, в какой Каталония находится по отношению к Испании?»⁵.

Для будущей внешнеполитической концепции Финляндии большое значение имел опыт многочисленных войн между европейскими великими державами в XVIII в., когда Финляндия входила в состав Швеции. На это указывал в своих мемуарах ещё К.Г. Маннергейм. В условиях пребывания Финляндии в составе Швеции и враждебных отношений последней с Россией, финны осознали, что агрессия шведов против России затронет территорию Финляндии, что противоречит их интересам.

³ Ilta-Sanomat. 15.02.2018.

⁴ Miksi vuosi 1809 on Suomelle merkittävä? // Yle. [Электронный ресурс] URL: <https://yle.fi/aihe/artikkeli/2009/01/20/miksi-vuosi-1809-suomelle-merkittävä> (дата обращения 12.11.2018).

⁵ Ilta-Sanomat. 22.10.2017.

Соперничество Швеции с Россией в первой половине XVIII в. оказало существенное влияние на внешнеполитическую стратегию как самой Швеции, так и Финляндии. Но уроки из него Швеция и Финляндия извлекли разные. Швеция под влиянием своей неудачной великодержавной политики избрала политику нейтралитета [1]. Так как это произошло в начале XIX в., уже после присоединения Финляндии к России, финны не имели возможности позаимствовать у шведов такой опыт.

Эффект великодержавной политики Швеции проявился и в том, что после обретения независимости и революции 1917 г. в России Финляндия продолжала относиться к России как к враждебному государству. Долгое время стремление к нейтралитету у финнов было связано с противостоянием «российскому фактору». Лишь позднее в Финляндии пришли к конструктивному взаимодействию с восточным соседом.

«Шведский фактор» неоднократно давал о себе знать в период нахождения Финляндии в составе России. Во время Крымской войны в скандинавских странах, как и в ряде других, активизировалась антироссийская пропаганда. Идеи «скандинавизма» в тот период приобрели антирусскую направленность, широко тиражировались призывы к солидарности северян перед лицом «русской опасности». Некоторые аналогии просматриваются и с современной ситуацией, когда западные страны призывают Финляндию к более тесному сотрудничеству со Швецией и Европой⁶ и вместе противостоять России, которая, по их мнению, является причиной ослабления европейской безопасности после 2014 г.

В годы Крымской войны утверждалось, что интересы Финляндии противоположны российским [3]. Политические круги Швеции стремились вовлечь в антирусскую кампанию не только шведское дворянство Финляндии, но и широкие слои финского населения в надежде добиться отделения региона от России и возвращения его в состав Швеции [1]. Выдвигался тезис о том, что существенные интересы Финляндии находятся в противоречии с направлениями русской политики [3].

Таким образом, можно констатировать значительное влияние «шведского фактора» на формирование системы государственного управления и общественного устройства по шведскому образцу. В дальнейшем это во многом способствовало активизации североевропейского сотрудничества. Благодаря шведскому влиянию Финляндия получила скандинавскую идентичность и стала развиваться в рамках западной цивилизации. Неоднозначную роль в формировании внешнеполитической концепции Финляндии сыграл опыт нахождения в составе Швеции, многократно воевавшей с Россией.

Следует учитывать, что, если бы финны остались в составе Швеции, то Финляндия могла бы никогда не обрести самостоятельность. Напротив, пре-

⁶ DN Debatt. "Sveriges sak är vår" // Dagens Nyheter. January 27, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dn.se/debatt/sveriges-sak-ar-var/> (дата обращения: 07.08.2018).

бывание в составе Российской империи в итоге привело к становлению и развитию Финляндии как независимого государства.

Россия во внешнеполитической стратегии Финляндии

Роль России особенно ярко проявилась в двух исторических периодах: во время нахождения Финляндии в составе России на правах автономии и после окончания Второй мировой войны. При этом о положительном российском влиянии в эти периоды финские исследователи и политики до последнего времени говорили редко. Поводом к «ревизии» стали две даты – 200-летие вхождения Финляндии в состав Российской империи на правах автономного княжества и 100-летие государственной независимости Финляндии. Юбилейный год 200-летия вхождения Великого княжества Финляндского в состав Российской империи отмечался в 2009 г. Как отмечала газета «Калева», 1809 г. был «настолько значимым поворотным моментом в истории Финляндии, что представительные мероприятия по случаю юбилейного года были более чем уместны»⁷. Российская тематика неоднократно звучала в положительном контексте в 2017 г. в столетнюю годовщину обретения финнами независимости⁸.

В 1809 г. по Фридрихсгамскому мирному договору Финляндия в качестве автономного Великого княжества Финляндского вошла в состав России. Утверждение Александром I Конституции Финляндии на Боргоском сейме (в г. Порвоо) и сохранение основных законов, имевших шведское происхождение, некоторые историки считают «моментом рождения новой нации» [2]. По мнению О. Юссилы, понятие «Швеция-Финляндия» остаётся «встроенным» во все работы по истории, и для того, чтобы с уверенностью избежать возникающие из-за этого искажения, следовало бы историю Финляндии до 1809 г. сравнивать с историей других периферийных областей Швеции, а уже после 1809 г. переходить к освещению политической истории собственно Финляндии [4].

Оценку российскому фактору в годы автономии дал посол России в Финляндии в 2006-2017 гг. академик РАН А.Ю. Румянцев. По его мнению, именно благодаря широкой автономии, предоставленной Финляндии в составе Российской империи, стало возможным формирование существующих до сих пор структур управления [5], прежде всего, сената (прообраза нынешнего правительства) и сейма (впоследствии – парламента).

Тогда же финский язык был уравнен в правах со шведским, началось бурное развитие национальной культуры, окрепла финская экономика: развивалась промышленность, появились мануфактуры. Автономное княжество получило свою национальную валюту – финскую марку, право полностью использовать налоги для своего внутреннего развития; таможенные сборы также шли в мест-

⁷ Kaleva, 06.09.2009.

⁸ Valtioneuvosto juhlii Turussa // Yle. Электронный ресурс URL: Porvoon palaa 200 vuoden takaisin tunnelmiin (дата обращения: 09.12.1018).

ную казну. Был учреждён Финляндский банк, почтовое ведомство, появилась сеть железнодорожного сообщения. Как отмечает академик П. Томмила, финны не занимались вопросами внешней и оборонной политики, но все остальные дела решались в Финляндии⁹.

В.В. Похлёбкин показал, что к началу XX в. Финляндия, формально находившаяся в составе Российской империи, фактически обладала всеми атрибутами и правами государства, состоявшего в личной унии, ибо общим с империей оставались лишь глава государства – российский император и великий князь в Финляндии, а также внешняя политика, при этом с фактическими изъятиями [3]. Отсутствие у Финляндии самостоятельной внешней политики в тот период, в связи с пребыванием в составе России и слабым развитием общественно-политических отношений в самой Финляндии, породило представление о том, что «внешнеполитический союз с Россией означал будто бы лишение Финляндии внешнеполитической линии вообще и национальной самостоятельной внешней политики в особенности» [3, с. 96]. В связи с этим, отстаивание собственных внешнеполитических действий, национальной внешнеполитической самостоятельности в конце концов оборачивались и перерастали во враждебность по отношению к России. На этом фоне и стали развиваться различные концепции внешней политики Финляндии как во второй половине XIX века, так и значительно позднее.

За годы автономии в составе России Финляндия сформировала структуры, фактически создавшие институциональную основу самостоятельного государства, что в дальнейшем во многом способствовало становлению суверенной страны [5]. Важно отметить, что широкая автономия была выгодна как Финляндии в контексте дальнейшего развития государства, так и России, поскольку среди финнов доминировали настроения политической благонадёжности по отношению к России, что, в свою очередь, позволяло исключить использование финской территории иностранными державами во враждебных России целях.

Финская и российская историография едины во мнении, что в целом период автономии в составе России был благоприятным временем для развития финского общества. Большинство финских исследователей негативно оценивают периоды поздней автономии (1899-1905 и 1909-1917 гг.), называя их русификацией или «годами угнетения». Более того, иногда весь российский период пытаются ассоциировать с русификацией. В последние годы, однако, некоторые финские исследователи дают более сдержанные оценки¹⁰, которые заключаются в том, что политика русификации была обусловлена политическим кризисом

⁹ Hurmuri-keisari saapui Porvooseen 200 vuotta sitten // Yle. [Электронный ресурс] URL: <https://yle.fi/uutiset/3-5737653> (дата обращения: 06.06.2018).

¹⁰ Независимая Финляндия возникла не на пустом месте – основа для новой государственности создавалась в годы автономии // Yle. [Электронный ресурс] URL: http://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/nezavisimaya_finlyandiya_voznikla_ne_na_pustom_meste_osnova_dlya_novoi_gosudarstvennosti_sozdavalas_v_gody_avtonomii/9436646 (дата обращения: 06.06.2018).

того времени, вызванным совокупностью внутривнутриполитических и внешних факторов.

Российская трактовка состоит в том, что политика России в отношении Финляндии после её вхождения в состав Российской империи диктовалась стремлением обеспечить надёжное прикрытие новой столицы территориями, населёнными лояльно относящимся к России населением, а не желанием российских властей превратить её в обычную провинцию страны и провести «русификацию» финской жизни. Одним из средств обеспечения такой лояльности стала поддержка развития финской национальной культуры и языка, учёт интересов и настроений населения Финляндии, в том числе её шведского сегмента, создание льготного режима в торговле и т.п.

Исходя из того, что широкая автономия в составе России была выгодна как финнам, так и русским, можно заключить, что уже в то время возникли первые предпосылки взаимовыгодного, прагматичного сосуществования двух народов.

Подводя итоги на рассмотренном историческом этапе, отметим положительное воздействие России на развитие Финляндии, причём не как противовеса шведскому вектору, а скорее в дополнение к нему. Исторический опыт пребывания в составе Российской империи на правах автономии показывает, что взаимодействие России и Финляндии не противоречит западной идентичности финнов, но обогащает её, оказывает благоприятное влияние как на Россию, так и на Финляндию. Восточный вектор не был навязан Финляндии и не носил исключительно негативный характер. Эта тенденция получила развитие и в дальнейшем [19].

И шведский, и российский факторы существенно повлияли на формирование внешнеполитической стратегии современной Финляндии. Шведский фактор предопределил главным образом скандинавскую/западную идентичность. На более позднем этапе это проявилось в развитии североевропейского сотрудничества, во вступлении Финляндии в ЕС. Как отмечала бывшая долгое годы министром иностранных дел и президентом Финляндии Т. Халонен, «страны Северной Европы относятся к обществу, в значительной мере базирующемуся на ценностной основе, поэтому вполне естественно, что и внешняя политика безопасности базируется на ценностях»¹¹.

Российский фактор заложил предпосылки прагматичного, взаимовыгодного сосуществования, а в дальнейшем – сотрудничества России и Финляндии. Российский фактор предоставил финнам на международной арене преимущества, которыми располагают далеко не все малые страны. По мнению доктора исторических наук Л.С. Воронкова, дружественные, доверительные отношения с восточным соседом неизменно приносили Финляндии и безопасность, и бла-

¹¹ Uutiset. 15.01.2009. Presidentti Halosen puhe Ruotsin Ulkopoliittisessa Instituutissa 15.01.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.finland.se/public/default.aspx?contentid=154427&nodeid=46723&contentlan=1&culture=fi-FI> (дата обращения: 02.01.2019).

гополучие, и многочисленные экономические выгоды, повышая её значимость как международного игрока. Исключение возможности использования территории страны во враждебных России целях составляло базовый принцип политики безопасности Финляндии в течение длительного времени¹².

Финляндия как «мост» между Востоком и Западом

В настоящее время споры о роли России и Запада в истории Финляндии приобретают особую актуальность. Масштаб антироссийской риторики в Финляндии бьёт все рекорды. Как отмечает президент Финляндии С. Ниинистё: «Сложно представить, что ещё осталось несказанным. Победа в состязании «кто скажет о России хуже» требует изобретательности»¹³. Подобным образом, культивируя образ России как врага, финской общественности пытаются навязать мнение о том, что в сфере внешней политики и политики безопасности нужно полностью ориентироваться на западную парадигму [24], отказавшись и от политики военного неприсоединения, и от восточного вектора, оказавшихся в современной ситуации якобы неактуальными.

В современной общественно-политическом дискурсе сотрудничество Европы и США часто пытаются увязать с принадлежностью к единой западной общности. Как отмечал в одном из своих выступлений Т. Сойни, важно укреплять понимание общих интересов и общей системы ценностей Евросоюза и США¹⁴. Профессор университета Тампере Т. Форсберг считает, что именно западная идентичность, или соотношение с определённой референс-группой, важны для финнов при выработке отношения к возможному вступлению в НАТО [12]. Сторонники вступления в Североатлантический Альянс указывают, что принадлежность к НАТО укрепила бы идентичность Финляндии как части Запада.

Не подвергая сомнению западную идентичность, следует помнить и о том, что у Финляндии есть и «нейтральная идентичность». Не целесообразно отбрасывать те существенные преимущества, которые есть у финнов. Финляндия – это не просто «часть Запада», но и страна не только с отрицательным, но и уникальным положительным опытом сосуществования и взаимодействия с «восточным соседом».

Одним из примеров симбиоза шведского и российского факторов стало зарождение в Финляндии политики нейтралитета и отчасти связанная с этим теория «моста», или посредничества нейтральной Финляндии между Скандинавией и Россией, Западом и Востоком.

¹² Свободные от военных союзов Швеция и Финляндия и НАТО // Международная жизнь. 17.03.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17125> (дата обращения: 16.02.2018).

¹³ Кто скажет о России хуже? // ИНОСМИ.РУ. 13.10.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/social/20171013/240513776.html> (дата обращения: 16.02.2018).

¹⁴ Ulkoministeri Timo Soinin puhe Yhdysvaltojen globaalia roolia koskevan raportin julkaisutilaisuudessa // formin.fi. [Электронный ресурс] URL: <http://formin.finland.fi/Public/default.aspx?contentid=371509&contentlan=1&culture=f> (дата обращения: 10.02.2019).

После польского восстания 1863 г., когда возникла опасность войны между Россией и западноевропейскими странами, финские политические деятели были обеспокоены перспективой вовлечения в войну за российские интересы и превращения Финляндии в театр военных действий. В тот период в финском обществе возникли идеи о нейтральной позиции [1, 3]. Идея провозглашения нейтралитета, пропагандируемая шведоманскими кругами, фактически означала бы разрыв с Россией. Ряд политических деятелей Финляндии того времени, однако, осознавали утопичность и беспочвенность идеи «нейтралитета», которая привела бы к утрате самостоятельного положения Финляндии. Один из известнейших финских идеологов Й. Снельман писал, что только в полной дружбе с Россией Финляндия может жить и создавать предпосылки для своей самостоятельности [3, с. 100].

В.В. Похлёбкин выделял шесть вариантов развития внешнеполитического курса Финляндии в конце XIX в., включая нейтралитет, внешнеполитический союз с Россией или со Швецией. Вариант превращения Финляндии в «мост» между Скандинавией и Россией, Западом и Востоком, заслуживает особого внимания. Некоторые представители финских общественно-политических кругов того времени полагали, что Финляндия способна играть роль нейтрального посредника в отношениях между Россией и Скандинавией, поскольку она имеет много общего и с той, и с другой стороной. Смысл посредничества состоит в стремлении оказывать как на Россию, так и на Запад смягчающее влияние, что позволит избежать открытых столкновений между ними. Это позволит самой Финляндии не быть втянутой в потенциальный вооруженный конфликт.

Со своей стороны, противники идеи «моста» и сторонники идеи «нейтралитета» Финляндии с «европейскими гарантиями» – прозападно настроенные финские общественно-политические круги – активно развивали идею, что у финнов нет общих интересов с русскими и пытались найти предлог для европейского вмешательства во взаимоотношения России и Финляндии. Они рассчитывали на «заступничество» великих европейских держав (прежде всего, Германии и Англии), которые могли бы «отнять» Финляндию у России, создать независимое государство и гарантировать его нейтралитет [3]. Однако широкого распространения эти идеи тогда не получили, как и не оказалось государств, стремившихся выступить в такой роли и располагавших бы для этого достаточными ресурсами.

Идея «моста», подразумевающая посредничество Финляндии между Россией и Западом, неоднократно возникала во внешнеполитической повестке дня страны второй половины XX столетия [3]. Один из успешных примеров её реализации – проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписание Хельсинкского заключительного акта в 1975 г. Как отметил в одном из своих интервью посол России в Финляндии П.М. Кузнецов: «Финляндия, проводящая политику неучастия в военных блоках, традиционно играла видную роль в качестве площадки для крупных международных событий <...>

В финской столице прошел и саммит ОБСЕ в 1992-м, и ряд встреч между лидерами СССР, а затем России и США. В 1990 году здесь встречались Михаил Горбачев и Джордж Буш-старший, в 1997 году – Борис Ельцин и Билл Клинтон. Так что у Финляндии имеются давние традиции организации важных международных форумов, включая встречи на высшем уровне лидеров России и США»¹⁵.

Идея «моста» остается на повестке дня и в начале XXI века. Именно в Хельсинки состоялся российско-американский саммит 16 июля 2018 г. Многие финские экспертные оценки сходятся в том, что выбор именно Хельсинки для переговоров В.В. Путина и Д. Трампа свидетельствует о высоком доверии к «месту переговоров таких высокопоставленных лидеров»¹⁶. Саммит стал «важной внешнеполитической победой» для Финляндии, заслуженным признанием ее хороших отношений как с Россией, так и с Америкой¹⁷. Финские СМИ отмечают, что подобное мероприятие вряд ли могло бы состояться в Швеции¹⁸.

Положительно оценили саммит и финские политики. Как написал в своем блоге премьер-министр Финляндии Ю. Сиппиля, «саммит в Хельсинки стал, прежде всего, признанием энергичности и четкости линии финской внешней политики и политики безопасности». По словам Ю. Сиппили, «для Финляндии важно, что президенты В.В. Путин и Д. Трамп встретились именно в финской столице»¹⁹. Депутат парламента М. Савола (Партия Финляндский центр) подчеркнул: «Организация встречи лидеров Запада и Востока – уже не первый опыт для Финляндии. Стабильная и последовательная внешняя политика – сильная сторона финнов, которой надо придерживаться»²⁰.

В формировании как самого финляндского государства, так и его внешнеполитической стратегии российское и западное воздействие имели ключевое значение. Влияние России предопределило «восточный вектор» финской политики, Швеции – принадлежность к западной цивилизации и скандинавизм. Их комплексное сочетание создало предпосылки для политики нейтралитета, которая, в свою очередь, способствовала формированию в современных условиях стабильной уникальной линии военного неприсоединения, позволяющей не только эффективно обеспечивать собственные национальные интересы, но и расширить возможности влияния малого североевропейского государства на международные отношения.

Данные закономерности, как представляется, могут быть востребованы для оценки финляндской внешней политики в годы холодной войны, которая до сих пор вызывает много споров. Появляются и дополнительные аргументы в дискуссии о востребованности института нейтралитета в настоящее время.

¹⁵ Посол РФ в Финляндии: планируем замену высланного из Хельсинки дипломата. [Электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/5383504> (дата обращения: 17.09.2018).

¹⁶ *Kymen Sanomat*. 30.06.2018.

¹⁷ *Iltalehti*. 06.07.2018.

¹⁸ *Suomen kuvalehti*. 2018. № 29.

¹⁹ *Suomi edistää vuoropuhelua sanoin ja teoin*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.juhasi.fi/blogi/suomi-edistaa-vuoropuhelua-sanoin-ja-teoin/> (дата обращения: 26.02.2019).

²⁰ *Iltalehti*. 6.7.2018.

Список литературы:

1. Воронков Л.С. «Северное сотрудничество» и особенности североευропейской интеграции. М.: МГИМО-Университет, 2016. 340 с.
2. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь мир, 2008. 256 с.
3. Похлёбкин В.В. СССР-Финляндия. 260 лет отношений 1713-1973. М.: Международные отношения, 1975. 410 с.
4. Юссила О. Великие мифы финляндской истории [перевод с финского]. СПб: Издательство «Европейский дом», 2013. 336 с.
5. Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809-1917 [перевод с финского]. Хельсинки: Ruslania books Oy, 2009. 844 с.
6. Aaltola M. Agile Small State Agency: Heuristic Plays and Flexible National Identity Markers in Finnish Foreign Policy // Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2011. Vol. 39. No. 2. Pp. 257-276. DOI: 10.1080/00905992.2010.549469
7. Arter D. Finland: From Neutrality to NATO? // European Security. 1996. Vol. 5. No. 4. Pp. 614-632.
8. Aunesluoma J., Rainio-Niemi J. Neutrality as Identity? Finland's Quest for Security in the Cold War // Journal of Cold War Studies. 2016. Vol. 18. No. 4. Pp. 51-78. DOI:10.1162/JCWS_a_00680
9. Blombergs F. (edit.) Suomen turvallisuuspoliittisen ratkaisun lähtökohtia. Tampere: National Defence University, 2016. 581 p.
10. Bloomberg J. Vakauden kaipuu, kylman sodan loppu ja Suomi. Helsinki: WSOY, 2011. 696 p.
11. Erkka R., Laamanen V. Suomi muuttuvassa maailmassa: Ulkosuhteiden ja kansallisen itseymmärryksen historiaa. Helsinki: Edita, 2010. 452 p. (in Finnish)
12. Forsberg T. Nato-kirja. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino OY, 2002. 327 p.
13. Forsberg, T., Pesu, M. The "Finlandisation" of Finland: The Ideal Type, the Historical Model, and the Lessons Learnt // Diplomacy & Statecraft. 2016. Vol. 27. No. 3. Pp. 473-495. DOI: 10.1080/09592296.2016.1196069
14. Forsberg, T., Vaahtoranta T. Inside the EU, Outside NATO: Paradoxes of Finland's and Sweden's Post-Neutrality // European Security. 2001. Vol. 10. No. 1. Pp. 68-93. DOI: 10.1080/09662830108407483
15. Heikka H. Republican Realism: Finnish Strategic Culture in Historical Perspective // Cooperation and Conflict. 2015. Vol. 40. No. 1. Pp. 91-119. DOI: 10.1177/0010836705049736
16. Iloniemi J. Maantieteelle emme mahda mitään. Docendo, 2015. 198 p.
17. McNamara E., Nordenman M., Salenius-Pasternak Ch. Nordic-Baltic Security and US Foreign Policy. FIIA Report 87. The Finnish Institute for International Affairs, 2015. 26 p.
18. Mouritsen H. Pohjoinen dilemma // Ulkopoliittika. 2018. No. 1. Pp. 68-73.
19. Mouritzen H. Small States and Finlandisation in the Age of Trump // Survival. 2017. No. 59:2. Pp. 67-84. DOI: 10.1080/00396338.2017.1302191
20. Pyykönen J. Nordic Partners of NATO. How Similar are Finland and Sweden within NATO Cooperation? FIIA Report 48. The Finnish Institute for International Affairs, 2016. 136 p.
21. Tarkka J. Karhun kainalossa: Suomen kylmä sota 1947-1990. Helsinki: Otava, 2012. 495 p.
22. Tarkka J. Koskenlaskun lyhyt historia // Puolustusmunusteriön julkaisuja. 2017. № 2.
23. Vanhanen M. Ulkopoliittika. Omakustanne, 2016. 116 p.
24. Wahlroos B. Miksi liittyä Natoon? // Ulkopoliittika. 2017. № 3. Pp. 74-77.

Об авторе:

Наталья Юрьевна Везливецва – советник, Министерство иностранных дел Российской Федерации. 119200 Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

HISTORICAL ROOTS OF FINLAND'S NEUTRALITY AS PART OF NATIONAL IDENTITY

N.Yu. Vezhlytseva
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-86-100

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: The article examines Finland's case within the framework of current discussions on the relevance of neutrality policy. It is widely believed that Finland's neutrality arose during the cold war as a result of a pragmatic assessment of the general world order at that time. The military non-alignment is regarded from this perspective as a rational and necessary policy for a small state in the bipolar world. After the cold war some politicians and researchers argued that under the new conditions the policy of military neutrality is not relevant anymore and that belonging to the Western community is the only choice. However, Finland's military non-alignment policy and reliance on self-defense have remained unchanged for almost three decades. Finnish authorities have consistently pursued this line with a strong support of the majority of population. The reasons for that cannot be explained only as a rational political choice of a small state in certain geopolitical realities, the issue is more complex. Some Finnish researchers consider neutrality as part of the Finnish national identity. Using this approach, the author examines the genesis and development of neutrality policy as part of its national identity, which evolved at the junction of East and West. The article examines the influence of Sweden and Russia on the development of Finland's statehood and its foreign policy. Sweden determined the political structures and inculcated Finns with the Scandinavian identity. The role of Russia in the beginning of Finnish statehood was crucial. It formed the subsequent Eastern vector of Finland's foreign policy. The symbiosis of Western (Swedish) and Eastern (Russian) vectors gives Finland additional advantages, allowing a small state to claim the role of a «bridge-builder» between East and West. The author concludes that this complex combination has created the prerequisites for neutrality expressed in the policy of military non-alignment. Neutrality as a part of Finnish national identity has deep historical roots. It was born together with the Finnish statehood and has been staying with it despite all the changes in international environment.

Key words: Russia, Finland, Sweden, foreign policy, good neighborly relations, Northern cooperation, non-alignment, bridge-building.

References

1. Voronkov L.S. «*Severnoe sotrudnichestvo*» i osobennosti severoevropejskoj integracii [«Northern Cooperation» and Features of the North European Integration]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. 340 p. (In Russian)
2. Meinander H. *Istoriya Finlyandii. Linii, struktury, perelomnyye moment* [History of Finland. Lines, Structures, Turning Points]. Moscow: Ves' mir, 2008. 256 p. (In Russian)
3. Pohljokkin V.V. *SSSR-Finljandija. 260 let otnoshenij 1713-1973* [USSR-Finland. 260 Years of Relationships 1713-1973]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. 410 p. (In Russian).
4. Jussila O. *Suomen historian suuret myytit*. WSOY, 2007. (In Finnish)
5. Jussila O. *Suomen Suuriruhtinaskunta 1809-1917*. WSOY, 2004. 832 p. (In Finnish)
6. Aaltola M., Agile Small State Agency:

- Heuristic Plays and Flexible National Identity Markers in Finnish Foreign Policy. Nationalities Papers. *The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2011, vol. 39, no. 2, pp. 257-276 DOI: 10.1080/00905992.2010.549469.
7. Arter D. Finland: From Neutrality to NATO? *European Security*. 1996, vol. 5, no. 4, pp. 614-632.
 8. Aunesluoma J., Rainio-Niemi J. Neutrality as Identity? Finland's Quest for Security in the Cold War. *Journal of Cold War Studies*, 2016, vol. 18, no. 4, pp. 51-78. DOI:10.1162/JCWS_a_00680
 9. Blombergs F. (edit.) *Suomen turvallisuuspoliittisen ratkaisun lähtökohtia*. Tampere: National Defence University, 2016. 581 p. (In Finnish).
 10. Bloomberg J. *Vakauden kaipuu, kylman sodan loppu ja Suomi*. Helsinki: WSOY 2011. 696 p. (In Finnish).
 11. Erkka R., Laamanen V. *Suomi muuttuvassa maailmassa: Ulkosuhteiden ja kansallisen itseyemmärryksen historiaa*. Helsinki: Edita, 2010. 452 p. (In Finnish).
 12. Forsberg T. *Nato-kirja*. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino OY., 2002. 327 p.
 13. Forsberg, T., Pesu, M. The "Finlandisation" of Finland: The Ideal Type, the Historical Model, and the Lessons Learnt. *Diplomacy & Statecraft*. 2016, vol. 27, no. 3, pp. 473-495. DOI: 10.1080/09592296.2016.1196069.
 14. Forsberg, T., Vaahtoranta T. Inside the EU, Outside NATO: Paradoxes of Finland's and Sweden's Post-Neutrality. *European Security*. 2001, vol.10, no.1, pp. 68-93. DOI: 10.1080/09662830108407483
 15. Heikka H. Republican Realism: Finnish Strategic Culture in Historical Perspective. *Cooperation and Conflict*. 2015, vol. 40, no. 1, pp. 91-119. DOI: 10.1177/0010836705049736
 16. Iloniemi J. *Maantieteelle emme mahda mitään*. Docendo, 2015. 198 p. (In Finnish)
 17. McNamara E., Nordenman M., Salenius-Pasternak Ch. *Nordic-Baltic Security and US Foreign Policy*. FIIA Report 87. The Finnish Institute for International Affairs, 2015. 26 p.
 18. Mouritsen H. Pohjoinen dilemma. *Ulkopolitiikka*, 2018, no. 1, pp. 68-73.
 19. Mouritzen H. Small States and Finlandisation in the Age of Trump. *Survival*, 2017, vol. 59, no.2, pp. 67-84. DOI: 10.1080/00396338.2017.1302191.
 20. Pyykönen J. Nordic Partners of NATO. *How Similar are Finland and Sweden within NATO Cooperation?* FIIA Report 48. The Finnish Institute for International Affairs, 2016. 136 p.
 21. Tarkka J. *Karhun kainalossa: Suomen kylmä sota 1947-1990*. Helsinki: Otava, 2012. 495 p. (In Finnish)
 22. Tarkka J. Koskenlaskun lyhyt historia. *Puolustusmunusteriönjulkaisuja*. 2017, no. 2. (In Finnish)
 23. Vanhanen M. *Ulkopolitiikka*. Omakustanne, 2016. 116 p. (In Finnish)
 24. Wahlroos B. Miksi liittyä Natoon? *Ulkopolitiikka*. 2017, no. 3, pp.74-77. (In Finnish).

About the author:

Natalia Y. Vezhlyvtseva – counsellor, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 119200 Moscow, Smolenskaya-Sennaya Sq. 32/34. E-mail: vestnik@mgimo.ru.